

I. О цѣли ученія.

Студента Антона Пафнутаева.

Изъ всѣхъ предметовъ составляющихъ матерію умоислѣдованія человѣческаго, ни одинъ не заслуживаетъ большаго вниманія, какъ цѣль ученія нашего; и можешь быть никакой предметъ не занималъ болѣе умовъ человѣческихъ, какъ сія же самая цѣль ученія.

Разсуждаешь о семъ, а особливо въ такое время, когда, кажешься, ни чего не достаетъ къ усмотрѣнію сей цѣли; когда всѣ пути, ведущіе къ оной очищены опытностію и здравымъ разсудкомъ, и горизонтъ просвѣщенія человѣческаго блистаетъ во всемъ величій своемъ; разсуждаешь, говорю, о семъ, значило бы возвратишь морю нѣсколько капель воды, занятой у него же, а придашь къ сему что либо новое, едвали не справедливо сочтено было бы непрощительною дерзостію. — Не взирая на многотрудность и необъятную обширность сей матеріи, мы такъ богаты изслѣдованіями оной, что книгохранилища наши наполнены болѣе произведеніями *Руссо*въ, руководствующихъ своихъ *Емилей* на опасномъ пути воспитанія, нежели правилами какого либо другаго рода. —

Все было уже сказано, и все сказанное уже повторено. Но ежели по сему предмету повторены были истины, клонящіяся ко благу человѣчества; то для чего же ихъ не повторить еще, когда благо человѣчества есть единственный предметъ, въ которомъ должны сосредоточиваться всѣ усилія способ-

ностей нашихъ, и когда благо челоѣчества есть единственное благо, достойное занимать желанія наши! щастливъ тотъ чье сердце не питаетъ другихъ желаній; щократно щастливѣе тотъ, кого щедрое небо одарило способностями совершить желанія сїи; и въ семь по отношеніи, изъ безчисленнаго множества писавшихъ о воспитаніи и цѣли нашего ученія, рѣдкіе достигли истинной, можетъ быть предположенной ими, цѣли. —

Для достиженія оной, надлежало преодолѣть, безчисленныя преграды, и вознесись, шакъ сказать, выше самаго себя, а многотрудный подвигъ сей есть и долженъ быть дѣломъ необыкновеннаго Генія. Одни покорствуя засшарѣлымъ предразсудкамъ, освященнымъ цѣлыми вѣками и народами, предлагали матерію сїю въ ложномъ ея видѣ; другіе руководимы будучи болѣе малодушіемъ, нежели умомъ, и пошому согласуясь болѣе съ духомъ Правительства, подъ которымъ они жили, и съ духомъ Религїи, которую исповѣдывали, нежели съ видами цѣлаго челоѣчества, дѣлали въ семь случаѣ свои изслѣдованія не выпуская изъ виду личной своей безопасности, а можетъ быть и корыстолюбивыхъ замысловъ. —

Одни, приступая къ шолико важному предмету съ холоднымъ равнодушіемъ, изложили его сухо и недостаточно; другіе, приступая къ оному съ разгоряченнымъ энтузіазмомъ, сказали объ ономъ гораздо болѣе, нежели сколько сказать надлежало. Въ семь предпрїятїи не преткнулся одинъ шотъ, кто говоря о цѣли ученія нашего и воспитанія поставилъ ее въ познаніи природы и Творца, въ великой наукѣ повелѣвать собою, въ содѣланіи людей полезными гражданами общества, въ которое они соединились, и на-

конецъ въ доставленіи имъ честныхъ способовъ и пушей къ возможному щасію, какого только человѣкъ на земли желать и какое получить можетъ. Кто совершилъ во всѣхъ отношеніяхъ сей по видимому легкій подвигъ, но въ существѣ своемъ многотруднѣйшій, тотъ все совершилъ; кто соединилъ во едино сіи чепыре великія правила, тотъ получилъ неоспоримое право на безсмертіе свое, на благодарность сочеловѣковъ; тотъ, соединивъ неразрывнымъ узломъ челоѣчество, соединилъ съ нимъ щасіе. Какая бы страна ни была его отечествомъ, благоговѣніе къ памяти его будетъ сопровождать его благословеніями, во всѣхъ странахъ свѣта, куда только духъ правилъ его достигнетъ хотя по слуху.

Еслили разсматривать будемъ науки изъ первоначальной ихъ точки, то онѣ покажутся намъ истиннымъ плодомъ любопытства челоѣческаго; и ежели бы любопытство сіе не было основано на нуждахъ неразлучныхъ съ природою нашею, то величайшія усилія и успѣхи разума челоѣческаго теряли бы въ глазахъ нашихъ настоящую свою цѣну. Удовлетвореніе природной нужды предполагаетъ уже пользу, которой мы по природѣ нашей искать должны. Верховное и премудрое существо, произведши насъ на свѣтъ, вложило въ насъ, такъ сказать, одно только зерно всѣхъ высокихъ познаній, до которыхъ разумъ нашъ по естеству своему вознестись можетъ, и сіе то зерно познаній нашихъ есть врожденное въ насъ любопытство. Благосстроительная десница промысла, окруживъ цѣлое поприще жизненнаго нашего бытія безчисленными предметами и существами, болѣе или менѣе сопряженными съ нами, болѣе или менѣе подобными намъ, ввѣла въ каждой сей предметъ, въ